

Мас.
1731

ТЕАТРАЛЬНОЕ ЖХО.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ НЕГАТИВЫ.

На бенефисы 1-жи Ленского.

Надъ нивой, гдѣ жатва труда и любви
Въ лучахъ золотила колосья свои,—
Звучали веселыя жаворонковъ трели,
Малиновки пѣсенку звонкую пѣли.
И какъ непріятель, какъ рязокъ и дикъ
Былъ «Чайка» залетной провозителъ
крикъ,
На праздникъ поля, въ раззолъ зеленюхъ
Раздавшійся чуждымъ, досадивымъ сто-
номъ!..

Шпиляна.

Первый выходъ четы Фигнеръ со-
стоялся вчера въ Маринскомъ театрѣ, но
обыкновенно, въ «Евгении Онегинѣ»; одна ла-
сточка, говорить, не дѣлаетъ весны, но пара
«соловьевъ» (да еще «драгоценныхъ») дѣлаетъ
зиму.

Зимній сезонъ слѣдуетъ считать открытымъ
со вчерашняго вечера. Не только оживилась
публика, переполнившая театр, но и... цвѣ-
точные магазинъ; появились корзины съ цвѣ-
тами, вѣнки съ лентами; словомъ, сезонъ всту-
пилъ въ свои права.

Что новаго сказали намъ наши премьеры?
Съ вѣтшей стороны перемѣны мало, развѣ
только, что г-жа Фигнеръ значительно поху-
дѣла (для изображенія Татьяны это недурно),
а г. Фигнеръ отросилъ усы.

Правда, иные педанты находятъ, что Лен-
скій настолько юнъ, что усомъ и бороды еще
не можетъ быть у него; но мало-ли что пе-
данты находятъ. Мы примемъ г. Фигнера, то
бишь Ленскаго, такимъ, каковы его изобража-
етъ нашъ премьеръ.

Но дѣло не въ вѣтшиности. Оба артиста
жили большой успѣхъ, и въ этомъ тоже по-
ваго мало. Г. Фигнеръ долженъ былъ повто-
рить арію Ленскаго, но и это не новость. Го-
лоса у нихъ такіе-же, какъ были, а каковы
они были,—это всѣмъ извѣстно.

Превосходные партнеры ихъ г-жа Долина
(Ольга) и г. Яковлевъ (Онегинъ), у которыхъ
каждый шагъ обдуманъ, каждое движеніе на-
мѣстѣ. И г. Яковлевъ вынужденъ былъ по-
вторить свой монологъ къ Татьянѣ («Когда бы
и жизнь домашнимъ кругомъ»).

Общее впечатлѣніе прекрасное и удовольствіе
имѣли присутствовавшіе—огромное. Цѣнымъ, прав-
да, большія, но... что дорого, то мило. Для
полноты отчета объ успѣхѣ артистовъ, приба-
вимъ, что повторены были и куплеты Трики,
исполненные г. Титовымъ, хотя тутъ нуженъ
теперь... В. Б.

АНТРАКТЫ.

Маринскій театръ.

— Что новенькаго у васъ?

— Репетируемъ «Самсона», «Отелло».

— Последнее зачѣмъ-же? Кому понадоби-
лась эта слабая опера Верди, мѣсто которой
въ архивѣ?

— Вѣроятно для Фигнера, и можетъ быть
и для новой Дездемоны.

— Это кто-же будетъ?

— Репетируемъ Казаковская.

правникъ назначается директоромъ консерва-
торіи, а Варлихъ на его мѣсто?

— Ничего подобнаго не симкалъ и не ду-
маю, чтобы въ этомъ слукъ было что-либо
правдоподобное.

— Отчаго вы не обратите вниманіе того
слѣдуетъ на невозможную вентиляцію въ Ма-
ринскомъ театрѣ; вѣдь дышать рѣшительно
нечѣмъ.

— Совершенно согласенъ, самъ задыхаюсь,
но это внѣ компетенціи музыкальной кри-
тики.

Разговоръ двухъ оперныхъ артистовъ.

— Ну, что, голубчикъ, наше дѣло теперь
табакъ?

— Да, дружокъ, теперь, съ приѣздомъ
«четы» намъ молчать, да и русскіе операмъ
отдыхать... Эхъ-эхъ-эхъ!..

«Чайка». Въ театрѣ говорили, что мѣста-
ми въ рѣчахъ беллетриста Тригорина про-
рываются какъ-бы ноты задушевной автор-
ской исповѣди. Очень жаль, что г. Чеховъ
вѣщаетъ о своихъ собственныхъ выстрада-
нныхъ думахъ устами такого дрянного чело-
вѣка, какъ Тригоринъ. Но это дѣлаетъ честь
его объективности,—я позволю себѣ сказать,
тому избытку объективности, который многое
портитъ и извращаетъ въ этомъ несомнѣнно
одаренномъ писателѣ. Въ одномъ изъ своихъ
монологовъ Тригоринъ какъ-то замѣчаетъ,
что онъ пишетъ «пейзажи». Г. Чеховъ то-
же пишетъ пейзажи и иногда они у него
выходятъ,—по крайней мѣрѣ, выходили,—
очень ярко. Пейзажъ, точно, единственная
сфера искусства, доступная художникамъ безъ
внутренняго огня, безъ душевнаго воля, безъ
пламени субъективнаго настроенія. Да. Три-
горинъ пишетъ пейзажи, живетъ пейзажами,
и отъ того, что онъ такой пейзажистъ, г.
Чеховъ сдѣлалъ его героемъ своей драмы.
Когда-же пейзажистъ пишетъ о драматиче-
скомъ дѣйствіи пейзажиста, онъ называетъ
драму комедіей.

Конечно, г. Чеховъ даровитый писатель,
внимательный авторъ, но онъ ни на одну
минуту не овладѣлъ театральною задачею и
не вызвалъ никакого сочувствія къ своимъ
героямъ. Ибо все это отдавало пейзажемъ,
равнодушіемъ, холодомъ; ибо отъ всего это-
го вѣяло глубокимъ презрѣніемъ къ чело-
вѣческой печали, ибо во всемъ чувствова-
лась манерность и изысканность ландшафта,
тогда какъ хотѣлось, чтобы ландшафтъ го-
ворилъ, чтобы озеро трепетало отъ горя, ра-
дости и страданій, чтобы чайка замахнула
крыльями и прокричала что-нибудь о тай-
нахъ челоѣческаго сердца своимъ выглѣ-
пымъ, но живымъ и говорящимъ голосомъ.
Пьеса г. Чехова мертва, какъ пустыня, и
въ ней безслѣдно пропало многое продуман-
ное, многое наблюденное, многое нарядное и
расцвѣченное, такъ какъ не было главнаго—
прочувствованнаго.

И думаю, что это именно такъ. Г. Чеховъ
взялъ недурной сюжетъ для драмы. Если
рассказать этотъ сюжетъ—новѣсть о томъ,
какъ на озерѣ жила молодая дѣвушка «чай-
ка», обольщенная сомнительнымъ господиномъ,
находящимся не то на хлѣбахъ, не то на со-
держаніи у пожилой актрисы—всякій при-

знает эту повесть сюжетом, достойным для драмы. Хорошо и выражение, срывающееся у Тригорина про чайку — «сюжет для небольшого рассказа». Все это, может быть, и не ново, но это трогательно, и живо и пробуждает сострадание к бедным чайкам, которых стреляют бездушные охотники. Но мне кажется, что не только Тригорин, а в сам г. Чехов ничего из драмы не усматривают, кроме «сюжета для небольшого рассказа».

Вся беда в том, что г. Чехов едва ли знает, к чему он все рассказывает. Почему беллетристика Тригорина живет при пожарной актрисе? Почему он ее любит? Почему актриса скупая? Почему сын ее пишет декадентские пьесы? Зачем старик в паралич? Для чего на сцене играют из доты и пьют пиво? Отчего доктор говорит, что попала банка с афромом, когда произошло самоубийство? С какой стати молодая девушка нюхает табак и пьет водку? Я не знаю, что всем этим хотел сказать г. Чехов, ни того, в какой органической связи все это состоит, ни того, в каком отношении находится вся эта совокупность лиц, говорящих остро, изрекающих афоризмы, пьющих, флиртующих, играющих из доты, нюхающих табак, к драматической истории бедной чайки... Все это пейзаж, и только. Если бы в то время, как г. Чехов снимал фотографию, проходил мужик из пострадавших невыразимых г. Чехов изображал бы мужика, и пострадавшие невыразимые лица бы они были характерны в, в качестве таковых, попали в записную книжку Тригорина.

Но, говорить нам, вы забываете словом «формы». Я не противник новых форм, даже в том случае, когда мне они не симпатичны. Но «словесные формы» можно призвать только тогда, когда они к чему-нибудь ведут. Наприм., у г. Чехова, вместо пролога, играют на сцене декадентскую пьесу. Страшная пьеса и страшный пролог. Но и охотно примирюсь с этим, если мне растолкуют, к чему ведут декадентские стихи, которые повторяются несколько раз. «Новые формы», заимствованные из теории вагнеровских «лейт-мотивов», заключаются между прочим, в том, что у каждого действующего лица есть свой маленький пунктик: доктор дон-Жуану 55 лет, и ему всё объясняется в любви, барышня нюхает табак, управляющий все время рассказывает анекдоты, учитель жаждет на дорожку. Эта «новая форма» кстати очень употребительна в немецких оперетках. Но хорошо, допустим, что это новая форма. А к чему она? что она выражает? какому настроению души способствует? какую идею общего характера выдвигает? Для символизма во всем этом слишком много реальных подробностей; для реализма здесь слишком много символического вадора... Ибо, надо сознаться, что это вадор — и была простыня, в которую ватный-то облакается чайка, декламирующая декадентские стихи, когда ее душа разрывается от муки, в якобы попавшая банка с афромом, когда на дверь труп, и обильный беллетрист, который внушает страсть, потому что так хочет автор, в другой добродетельный беллетрист, который всякий раз садится за роля (тоже на сцене).

но), когда в душе у него скребут кошки. Во всем этом нет ни на грош реальной психологии, и еще меньше имеется единства, красоты и восторга символического настроения...

Внутренняя тревога, судорога и какая-то навязная, почти детская экзальтация авторских намерений отразились на исполнении. Трудно представить себе более безцельное исполнение. Подобно тому, как г. Чехов не знает, к чему он рассказывает, так актеры не знали, к чему они играли. Так, безцельно, играли гг. Сазонов, Пачин, Писарев, г-жи Дюжикова, Читау и Абаранова. Кошмар согрита была игра гг. Анолловского и Давидова и г-жи Комиссаржевской. И надо правду сказать, только из этих троих ролей и можно найти, если не следы характеров, то хотя бы проблески человечески понятных настроений.

В заключение спектакля шла веселая комедия «Счастливые деньги». Исполнение далеко

нельзя было назвать первоклассным. Отличу г-жу Левкову и г. Варламова, хотя водевилно, но смѣшно игравшего генерала. Г-жа Потоцкая не возмущалась падью рутинной, а г-жа Никитина, повидимому, совсем не поняла, кого она изображает: Липа, прежде всего, интеллигентная, умная и прямая девушка. Г-жа Никитина же зачитывала и стонала, и придала симпатичной и милой роли тривиальный характер.

Немец певич.

Вчера в театр Неметта были поставлены два фарса, под которыми составители афиш постоянно прибавляют «несмолкаемый хохот, гомерический смех».

Син дв «смехотворный» пьесы: «Княгиня Капучин» и «Завѣтная мечта». В первой — актеры играли довольно вяло, но во второй разошлись и с самоотвержением жертвовали своими боками, как говорится, не щадя живота.

В особенности хороши были г-жа Варламова и Тенсон и г. Ленин. Что касается г-жи Ленин, то у ней, кажется, не хватает голоса, чтобы играть и она все время выкрикивает, причѣм голос у ней немилосердно дребезжит.

Любимец публики баритон Яковлев побывал в воскресенье. Свадьба происходила в церкви Иоанна Предтечи, что на Каменном острове.

Divino Мазини, давно уже не выступавший в драматических операх, исполнить в Малом театре роль Рикардо в «Баль-Маскараль», с Кашиняном в партии «Ремато». Мазини никогда не пѣл во время всей своей карьеры, ни «Трубадура» Верди, ни «Кармань» Бизе; по его мнѣнию, эти оперы отнимаются у голос очень вредно.

В Александрийском театре предстоят в скором времени возобновление трагедии графа А. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» с г. Писаревым в роли Иоанна и г-жей Мичуринской в роли царицы Анны.

6-го ноября, в день столѣтія кончины императрицы Екатерины II-й, на сцене московского Малаго театра предполагается постановка комедии императрицы «О, время!».